

И.Ю. Кобзев

**ДОМ НА ОБОЧИНЕ
(рассказ-доместификация)**

*«Смотри, вон впереди твой вечный дом,
который тебе дали в награду...
Вот твой дом, вот твой вечный дом...
Ты будешь засыпать, надевши свой засаленный
и вечный колпак, ты будешь засыпать с улыбкой на губах.
Сон укрепит тебя, ты станешь рассуждать мудро...»
(М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»)*

Что такое «Дом»?

Дом – это тщетная попытка воссоздать из подручных средств утраченный рай материнской утробы, в которой каждый из нас был заслан в этот страшный и чуждый мир. Дом начинается с люльки и заканчивается гробом, который неслучайно зовется «домовиной». Мой дом это мое внешнее тело, в котором моя душа обретает покой и мир. Дом – моя защита, мое оправдание, пространство моей любви, обнимающее меня. Дом – это мой индивидуальный рай на земле. Он подобен луковиче, в центре которой нахожусь я сам, а самая внешняя оболочка касается магнитосферы Земли, прикрывающей меня от губительных лучей бесчеловечного Космоса. Умный Наф-Наф строит дом из камней, а неумный мечтатель возводит свой зыбкий замок из слов, пытаясь отгородиться от мира книжными полками. Дом Наф-Нафа спасает от бури, но не спасает от времени. Почему-то в веках остаются воздушные замки из слов, а камни заносит песком. Ибо сказано: «Не собирай себе сокровищ на земле...» Потому что на Небе нас ожидает тоже дом, в котором, как сказано в Евангелии, «обителй много». То есть это не «рай-барак», а много индивидуальных «раев-домов». Ибо человек – животное домашнее!

Мне так и хочется вложить это определение в уста Платона, который услышал от своего неистового ученика Аристотеля, что «человек – животное политическое». Я вижу, как он усмехнулся в бороду и отрицательно покачал головой:

- Нет, Аристотель, политическим животным человек становится на агоре, но человек не может жить на агоре. Человек живет дома, и дом его располагается в стороне от агоры,

- Ты, Платон, имеешь в виду философа, который в своем совершенствовании вполне проникся апатией и атаксией и сторонится общественных страстей?

- Я имею в виду человека, каким он задуман в своем эйдосе, и каким он становится на путях философии. И это не человек политики, а человек любви. А любовь есть вещь непубличная,

- Ты полагаешь?

- А вот прочти это, - И Платон протягивает своему ученику свиток папируса,

- Что это? – Аристотель разворачивает свиток и читает:

«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит». Красиво. Какой поэт это написал?

- Не написал, а еще только напишет через триста лет после нас. Это не просто красиво – это истинно. А теперь отними отрицание «не» во всех словах этой фразы и перед тобой предстанет суть политической жизни на агоре. Где же тут может быть место для любви?

- А дом разве не может стать таким же местом без любви?

- Может, конечно, но тогда он перестанет быть домом. На агору человек приходит сражаться и соревноваться с другими. Агора – это поле битвы или стадион в Олимпии. Потому что там человек сталкивается с чужими и должен выжить или сохранить свой статус перед лицом этих чужих. А в доме не может быть чужих. Дом – это продолжение моего тела, это я сам. Я люблю дом и всех, кто в моем доме обитает, а дом любит меня. Это мое убежище и защита от всего чужого и опасного для меня. Дома я снимаю свой шлем и панцирь и вешаю свой щит на стену – они мне здесь не нужны,

- Отлично сказано, Учитель, - Аристотель уже поднял руку в знак прощания, но вдруг остановился, глаза его озороно сверкнули, а губы растянулись в иронической улыбке:

- Скажи, Платон, а не является ли твое «Государство» попыткой заменить в обществе Агору на Дом?

Платон немного опешил от неожиданного вопроса, задумчиво погладил бороду и улыбнулся ученику:

- Я не думал об этом. Но наверное так можно сказать. Ты это верно заметил,

- Это ты и Сиракузы пытался превратить в Дом? Но у тирана Дионисия любви хватило только на то, чтобы продать тебя в рабство. Получается, что Агора победила Дом?

- Да, к сожалению нельзя построить Дом на Агоре. Но зато можно его построить на обочине полиса. Я это понял уже здесь, в Афинах, когда основал свою школу в роще Академа. Пусть агора кипит своими животными страстями, а мы, посвятившие себя философии, будем созидать свой вечный Дом – Дом истины здесь, вдали от Агоры,

- Долго ли будет терпеть Агора твой Дом в Академии?

- Я думаю, нам есть чем прикармливать тщеславие Агоры для того, чтобы существовать достаточно долго,

- Ты, Платон, неисправимый оптимист. Но мне это в тебе нравится. Гелиайне, Учитель...

«Да, пожалуй, я тоже пытался сделать свою страну домом – домом, а не базаром политиков и торговцев. Поэтому и вступил в нацистскую партию и пошел за Гитлером. И повторил опыт Платона: правда, сей «Дионисий» не продавал меня в рабство, но в русской неволе я оказался из-за него», - так думал, глядя на мерцающее пламя коптилки, военнопленный Конрад Лоренц, врач лагерной больнички под Кировом снежной осенью 1944 года. Комендант лагеря благоволил немецкому интеллектуалу и разрешил ему писать по ночам на бумаге из-под цементных мешков ченилами из разведенной сажи. И Лоренц писал, благодаря судьбу и русский плен, который уже подарил миру проективную геометрию наполеоновского поручика Понселе и «Логико-философский трактат» австрийского вояки Витгенштейна в прошлую войну. Теперь он, Конрад Лоренц, пишет свой трактат об Агрессии под завывание вьюги, на краю обитаемого мира, где даже можно любоваться всполохами северного сияния.

Лоренц писал, что человек приспособлен эволюцией для выживания в небольшом коллективе, который мы привычно называем роДОМ. Пространство этого коллектива и есть Дом человека. При резком увеличении населения в полисе, когда на агоре или на базаре ежедневно сталкиваются сотни и тысячи людей, человек не может без дополнительной психической нагрузки сдерживать свою природную агрессивность. Урбанизированное общество людей мало отличается от стада павианов, разве что внешним видом и одеждой. А вот человеческие способности любить и мыслить могут проявляться человеком только там, где нет места агрессии – в том самом небольшом коллективе людей, который мы называем «домом». Цивилизация все более концентрирует людей в своих мегаполисах. Это мейнстрим современного мира. А вот

человеком можно оставаться только на обочине этого потока – в «доме». Дом возможен только как маргинальное образование в современном урбанистическом мире.

«Человек – животное со слабой моралью», - записал Лоренц на бывшем цементном мешке и подумал, что пространство этой морали ограничено домом человека, за пределами которого человеческая агрессия подавляет мораль. Ветер задувал в трубу и из печки тянуло дымком. Этот запах будил воспоминания...

... потянуло дымком и чем-то томительно приятным и сытным – да это же фрау Марта варит свой волшебный куриный суп с домашней лапшой! Вон там, за деревьями ее дом. Впрочем, ни дома, ни деревьев не видно в этом тумане, а точнее в туче, которая налегла своим брюхом на Монтаньола и скрыла все: и снежные вершины гор, и солнце и ослепительной синевы небо. Только по доносящемуся откуда-то сверху перезвону колокольчика можно догадаться, что вокруг вздымаются горы, на которых пасутся коровы. Герман Гессе не торопясь идет по тропинке, засыпанной хвоей, скрадывающей звук шагов. Из мокрой облачной тишины появляются и сразу пропадают во мгле слоновьи ноги вековых буков. Бородатые от лишайников ели высовывают из тумана свои лапы то ли умоляя о чем-то, то ли осеняя путника своим благословением. Холодно и хорошо!

Эта осень 1943 года стала вершиной его жизни – он закончил свое странное произведение «Игру в бисер». Вокруг бушует мировая война, а на ее обочине – на тихом острове мирной Швейцарии он создал этот воздушный замок, эту башню из слоновой кости, которая даст еще свой приют – он верил в это – многим поколениям мыслящих людей. Гессе верил, что его Касталия – это не просто мечта, а реальный проект, который со временем даст озверевшему человечеству шанс стать людьми. Пусть не всем, но тем немногим избранным, на которых во все эпохи и держится культура. Касталия – это приют для интеллектуалов, это дом для их истинно человеческой работы – прекрасной и бесполезной игры интеллекта. Ее бесполезность – залог того, что к ней не потянутся жадные руки торговцев и политиков. Касталия – это маргинальное сообщество в мире агрессивного успеха. Может быть перед его мысленным взором был пример платоновской Академии, или Александрийской библиотеки, где мудрецы тоже не жаловали пользу. Сказал же Христос: «Не мечите бисер перед свиньями». Его игра в бисер – это как раз для человека. Она наполняет его Касталию новыми смыслами, создаваемыми на пересечении математики и музыки, науки и искусства. Касталия становится чем-то вроде универсальной библиотеки, в которой в результате этой игры культурными смыслами все время образуются новые и новые произведения, которые сами становятся исходными элементами для будущей игры. Универсальная библиотека? Но это же «Вавилонская библиотека» Борхеса!

- А что еще вы хотите от библиотекаря районной библиотеки в Буэнос-Айресе? О чем еще он может написать, как не о библиотеке. Это мой мир, мой дом, за книжными полками которого я укрылся от той же мировой войны, что и мой интеллектуальный двойник в горах Швейцарии. Моя Вселенная – это Библиотека, которая беспредельна и существует вечно. Она наполнена драгоценными томами, бесполезна, нетленна, таинственна. Во всей огромной Библиотеке нет двух одинаковых книг. Библиотека всеобъемлюща и на ее полках можно обнаружить все, что поддается выражению – на всех языках. Все: подробнейшую историю будущего, автобиографии архангелов, верный каталог Библиотеки, тысячи и тысячи фальшивых каталогов, доказательство фальшивости верного каталога, гностическое Евангелие Василида, комментарий к этому Евангелию, комментарий к комментарию этого Евангелия, правдивый рассказ о твоей собственной смерти, перевод каждой книги на все языки, интерполяции каждой книги во все книги, трактат, который мог бы быть написан (но не был) Бэдой по мифологии саксов, пропавшие труды Тацита. В недрах Библиотеки существует секта

библиотекарей, которые занимаются перетасовкой букв и знаков, пока не создадутся благодаря невероятной случайности эти книги. (Может быть эта перетасовка и называется «игрой в бисер»?) Но все, что они смогут когда-либо создать уже существует на одной из полок моей бесконечной библиотеки, моего вечного дома. Из которого меня выгонит в 1946 году новый «Дионисий» – диктатор Перон...

Поэт стал бездомным? Поэт Бездомный – где-то я уже слышал этот псевдоним. Ну да, конечно, это же герой Булгакова, одного из самых «домашних» наших писателей, певца «кремовых штор, за которыми отдыхает душа». Вся наша великая русская литература – это или дом или тоска по дому. Но это не моя мысль, а Фазиля Искандера:

«Всю мировую литературу я разделяю на два типа - литература дома и литература бездомья. Литература достигнутой гармонии и литература тоски по гармонии. Интересно, что в русской литературе эти два типа художников появлялись нередко в виде двойчатки, почти одновременно. Так Пушкин и Лермонтов - достигнутая гармония (Пушкин) и великая тоска по гармонии (Лермонтов). Такая же пара: Толстой - Достоевский. В двадцатом веке наиболее яркая пара: Ахматова - Цветаева.

Литература дома имеет ту простую человеческую особенность, что рядом с ее героями хотелось бы жить, ты под крышей дружеского дома, ты укрыт от мировых бурь, ты рядом с доброжелательными, милыми хозяевами. И здесь в гостеприимном и уютном доме ты можешь с хозяином дома поразмышлять и осудьбах мира, и о действиях мировых бурь. Литература бездомья не имеет стен, она открыта мировым бурям, она как бы испытывает тебя в условиях настоящей трагедии, ты заморожен, затаен видением бездны жизни, но всегда жить рядом с этой бездной ты не хочешь.

Литература дома - преимущественно мудрость (Пушкин, Толстой). Литература бездомья преимущественно ум (Лермонтов, Достоевский). Мудрость сразу охватывает все окружение, но видит не так уж далеко, потому что далеко видеть и не надо, поскольку, видя все вокруг, мудрость убеждается, что человек везде человек и страсти человека вокруг одинаковы. Ум имеет более узкий кругозор, но видит гораздо дальше.

Разумеется, в совершенно чистом виде эти два типа литературы почти не существуют. Но как две мощные склонности они реальны. Они необходимы друг другу и будут сосуществовать вечно».

Вечно... Вечно... «Вот твой дом, вот твой вечный дом», - слышу я слова Булгакова. Вот мой дом: он стоит на обочине заросшей ивами, ясенями и кленами дороги, гордо блестя всеми своими окнами на двух этажах. Из-за того, что он построен на бугре, кажется, что он высоко поднял голову, покрытую коричневой черепицей. Во всяком случае «лицом» он обращен к дороге, это точно. Здесь, в Европе вообще это принято, чтобы дома были обращены «лицом» к дороге. Чтобы частная жизнь не замыкалась в себе, а протекала на виду у всей общины. Чтобы быть на «агоре», не выходя из дому. В то же время сад, обычно находящийся за домом, представляет собой род пустыря, куда редко заходят и куда складывают ненужные вещи, как в старый чулан. Для русского взгляда это странно и нелепо. Вот Петр Леонидович Капица и не выдержал этого в Кембридже и построил свой дом «лицом» в сад, а к дороге повернул его глухой стеной. Чем вызвал к себе осуждение обитателей Кембриджа. Это воспринималось как неприличный жест, как оскорбление всему обществу.

Я повторил подвиг Капицы и повернул свой дом «лицом» в сад, проделав дополнительный выход из дома и построив веранду, на которую этот выход ведет. Лестница с веранды озарила сад улыбкой своих семи ступеней. Но и сам сад я превратил из пустыря в парк с беседкой, лавочками в тенистых уголках, клумбами, напоминающими мне о Крыме и его скалах. Но прежде я построил забор вокруг имения – триста метров сетки чисто символически замкнули пространство моей земли,

став моей родиной. Тут очень уместен каламбур, который получается при переходе с русского языка на чешский: дело в том, что слово «родина» по-чешски означает «семья». И я, как русский эмигрант, могу теперь со спокойной совестью сказать: моя родина (русск.) – это моя родина (чешск.). С появлением забора сад стал внутренним пространством моего дома. А дом должен быть повернут вовнутрь, иначе это не дом, а кусок «агоры», а я не хочу жить на «агоре» - я хочу жить в своем доме.

Жизнь дома состоит в достраивании себя вовнутрь путем обрастания новыми смыслами своих обитателей. Это и есть моя частная, внутренняя «игра в бисер», в результате которой в доме появляется моя собственная «Третьяковская галерея» и моя собственная «Вавилонская библиотека». Стены моего дома увешаны картинами Поленова, Шишкина, Рериха, Юона, Дейнеки, Грабаря, Серебряковой, Семирадского, Дали – и все они работы моей кисти. Это «игра в бисер» живописью. А литературную «игру в бисер» Вы, мой читатель, сейчас держите в руках и мне отрадно думать, что и этот текст уже существует на одной из полок бесконечной библиотеки Борхеса.

Октябрь 2015